

Joanna Mampie
Gdańsk

Языковая картина категории возраста в русском и польском языках

Изучение семантического пространства языка и заключенного в нем взаимоотношения человека с окружающим его миром осуществляется современной лингвистикой в рамках лингвокультурологического и когнитивного подходов к языку при использовании новых методов анализа.

Чтобы рассмотреть отношения человека с миром, которые сохранены в языке, необходимо исследовать языковую картину мира, т.е. «совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка»¹.

Интерес к языковой картине мира появился уже в работах В. Гумбольдта, который писал, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия»². Языковую картину подразумевал О. Шпенглер в своем труде «Закат Европы»: «Каждой культуре свойствен строго индивидуальный способ видеть и познавать природу, или то же, у каждой есть ее собственная своеобразная природа, каковой в том же самом виде не может обладать никакой другой вид людей. Точно также у каждой культуры, а в пределах отдельной культуры, с меньшими отличиями, у каждого отдельного человека,

¹ Е. В. Урысон, *Языковая картина мира и лексические заимствования (Лексемы округа и район)*, «Вопросы языкознания» 1999, № 6, с. 79–82.

² В. О. Гумбольдт, *О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества*, [в:] В. Гумбольдт, *Избранные труды по языкознанию*, Москва 1984, с. 156–180.

есть свой совершенно особый вид истории»³. В России с разработкой этой проблемы встречаемся в работах Ю. Н. Васильева, Е. С. Яковлевой, Н. Д. Арутюновой, Д. Ю. Апресяна, А. Вежбицкой и др. Самым существенным в этих работах является мысль о том, что картина это основная часть мировидения человека.

Языковую, или наивную картину мира интерпретируется как отражение обиходных, обывательских представлений о мире. Идея наивной модели мира заключается в том, что в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. (J. Bartmiński, R. Grzegorzczkova, J. Anusiewicz)⁴. Ю. Д. Апресян языковую картину мира называет наивной в том смысле, что научные определения и языковые толкования не всегда совпадают по объёму и даже содержанию⁵.

В свою очередь философы (Г. А. Брутян, Р. И. Павиленис) и лингвисты (Ю. Н. Караулов, Г. В. Колшанский, В. И. Поставалова, Г. В. Раминшвили, Б. А. Серебренников, В. Н. Телия и др.) выделяют концептуальную и языковую картины мира, при чем концептуальная картина намного разнообразнее, чем языковая. «Картина мира – то, каким себе рисует мир человек в своем воображении, – феномен более сложный, чем языковая картина мира, т.е. та часть концептуального мира человека, которая имеет «привязку» к языку и преломлена через языковые формы»⁶. Концептуальная картина мира постоянно меняется, отражая результаты познавательной и социальной деятельности, но отдельные фрагменты языковой картины мира долго сохраняют пережиточные, реликтовые представления людей о мире.

По О. А. Корнилову существуют разные виды человеческого сознания: научное, наивное, индивидуальное, коллективное. Результат осмысления мира каждым из видов сознания находит свое отображение в языке, поэтому следует говорить о множественности языковых картин мира: о научной языковой картине мира, о языковой картине мира национального языка, о языковой картине мира отдельного человека⁷.

³ О. Шпенглер, *Закат Европы*, Новосибирск 1993, с. 198.

⁴ J. Bartmiński, *Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata*, [w:] *Językowy obraz świata*, pod red. J. Bartmińskiego, Lublin 1999, s. 103–119.

⁵ Ю. Д. Апресян, *Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография*, Москва 1995, с. 357.

⁶ В. А. Маслова, *Введение в когнитивную лингвистику*, Москва 2007, с. 64.

⁷ О. А. Корнилов, *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*, Москва 2003, с. 4.

К ряду актуальных проблем лингвокультурологического и когнитивного направления можно отнести задачу выявления национально-культурных и социально-групповых картин мира, которые запечатаны во фразеологизмах, пословицах и поговорках. В пословицах собран опыт людей за многие поколения, который накопило человечество, наблюдая за ходом жизни. Пословицы являются примером устного народного творчества, передаваемым из поколения в поколение, характеризуются краткостью, ритмизованным изречением, который несет за собой дидактический вывод. Л. Н. Толстой высказал убеждение, что в этих народных изречениях заложен глубокий смысл, что посредством пословиц народ выражает свое мировоззрение.

Учитывая словарное толкование, под пословицами в древнерусском языке имелись в виду устойчивые словесные комплексы, логически неоднородные. Это могли быть как словосочетания, так и предложения⁸.

Само слово **пословица** имело в древнерусском языке ряд значений, семантическим стержнем которых оказывается признак 'произнесенность', из которых можно выделить следующие: 1) способность выразить завершенную мысль, 2) использование в ходе речи, "к слову", в соответствии с необходимостью аргументировать мысль, сформулированную в непословичной форме, 3) общеизвестность, т. е. воспроизводимость, 4) общепризнанность истинности выражаемой в пословице мысли; 5) употребление в качестве средства повышения изобразительности и выразительности речи⁹.

По мнению сторонников мифологической теории возникновения пословиц, первые мудрые изречения были созданы богом в эпоху восприятия жизни в форме мифических образов, а люди занимались их распространением и передачей из поколения в поколение. Выводы Ф. И. Буслаева¹⁰ и других ученых отрицали творческий потенциал широких народных масс, поэтому происхождение пословиц следует искать в их содержании, в их связи с реальной жизнью. Пословицы и поговорки, отражают в себе трудовую деятельность, древние верования и убеждения, обычаи и традиции наших предков, что свидетельствует об обусловленности их происхождения реальной жизнью¹¹.

⁸ И. М. Снегирев, *Русские народные пословицы и притчи*, Москва 1995, с. XXVII–XXVIII.

⁹ Г. Дьяченко, *Полный церковно-славянский словарь*, Москва 1993, с. 408.

¹⁰ Ф. И. Буслаев, *О литературе. Исследования. Статьи*, Москва 1990, с. 30–92.

¹¹ В. И. Даль, *Пословицы русского народа*, Москва 2000

Самый большой материал польских пословиц можно найти в *Nowej Księdze Przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*¹² Юлиана Кжижановского – исследователя народной литературы, – источником которого служил материал, собранный и опубликованный Самуэлом Адальбергом в 1889–1894 годах. Книга Ю. Кжижановского состоит из 4 томов, была издана в 1969–1978 годах.

Русские пословицы нашли полную разработку в сборнике *Пословицы русского народа*¹³ Владимира Ивановича Даля, впервые опубликованном в 1861–1862 годах. Сборник включает более 30 тысяч пословиц, поговорок и прибауток.

Источниками для сборника послужили собрания Княжевича (около 5300 пословиц), Снегирева (около 4000 пословиц) и другие печатные издания, из которых в общей сложности Даль взял около 6000 пословиц, или около одной пятой части своего сборника. Основная часть была собрана Далем.

Одну из важнейших ролей в концептуализации окружающего человека мира для любого этноса играет понятие возраста, так как на основании возрастных периодов происходит осмысление многих явлений действительности.

Как в русской так и в польской картине мира возраст это величина, применяемая к ограниченному кругу объектов: к человеку, животным, растениям и материальным вещам. Человек характеризуется с помощью определения количества прожитых лет (*Анне девять лет*), периода своего развития (*Олег ещё маленький ребёнок*).

Проведенный нами семантический анализ пословиц и поговорок, отражающих возраст и содержащихся в словаре В. И. Даля и Ю. Кжижановского, выявил, что семантическая категория «возраст» в русских и польских пословицах и поговорках выражена прежде всего в оппозиции «старость – молодость». Необходимо при этом подчеркнуть, что запечатанная в исследованных пословицах картина мира отражает картину периода, в котором пословицы появились.

Ниже мы перечислим тематические группы пословиц.

Первой, выделенной нами группой, являются пословицы «Старость – ум, опытность». Эта группа – одна из наиболее обширных в количественном отношении. Пословицы, включенные в данную группу, выражают отождествление старости с опытностью, мудростью, опытом.

¹² J. Krzyżanowski, *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*, Warszawa 1997.

¹³ В. И. Даль, *Пословицы русского народа*, Москва 2000.

При этом одни пословицы содержат такие слова, как *ум*, *совет*: *Молодой работает, старый ум дает*; *Седина в бороду – ум в голову*; *Молодой на службу, старый на совет*; *Молодость плечами покрепче, старость головой*; *Молодой на битву, старый на совет*, другие об-разно передают такие качества, как опытность, мудрость: *Старый ворон не каркнет мимо*; *Старый конь борозды не испортит*; *Старый конь мимо не ступит*; *Старый волк знает толк*; *Старого воробья на мякине не обманешь*; *Старого волка в тенета не загонишь*; *Детинка с сединкой везде пригодится*.

Такие же качества наблюдаем и в польских пословицах: *Im kto starszy, tym powinien być mędrszy*; *W starych jest mądrość, a w długim wieku roztropność*; *Kto starszy, ten twardszy*; *Starego trudno szukać*; *Stary jak wesz, a mądry jak pies*; *W starym znajdziesz radę zdrową*; *W starych doświadczenie zdrową radę rodzi*; *Starego się radź, żebyś nie pobiłdził*; *Słuchać trzeba starszego, choć każe co trudnego*; *Słuchaj starszego, a unikniesz złego*; *Stary, ale w rzeczach biegły*.

Отдельная группа польских пословиц, в которых старость описы-вается как мудрость и опыт это пословицы, построенные как про-тивопоставление к молодости: *Jak gadali starzy, tak i młodzi gwarzy*; *Starzy do porady, a młodzi do boju*. *Stary do rady, a młody do zwady*. *Ży-wot starszego uczy młodsze*; *Młodzi się od starszych uczą*;

С тематической группой пословиц «Старость – ум, опытность» неотъемлемо связаны пословицы «Старость – уважение». Особую группу составляют пословицы назидательного характера, утвержда-ющие уважение к старшим. Например: *Старцу пакости не твори*; *Не смейся над старым, и сам будешь стар*; *Не у детей и сидни (се-дина) в честь*; *Старших и в Орде почитают*. Похожий образ пред-ставлен и в пословицах, собранных Ю. Кжижановским: *Nie śmieć się ze starego, bo wiesz, jakim jest stary, ale nic wiesz, jakim ty będziesz*; *Czcij starszych, bo i ty zestarzeć się możesz*; *Staremu, bywałemu i wielkiemu panu musi człowiek wierzyć*; *Staremu raczej wierzyć niż młodeму*; *Staremu i Pan Bóg przykazał (tzn. w domyśle: być mu posłusznym)*; *Starszego (starszych) i w piekle szanują*; *Starszy godniejszy*; *Stary człowiek w rodzinie to skarb*; *Starych słuchać, szanować*; *Kto starszych nie szanuje, ten biedę poczuje*; *Szanuj starego, miłuj bliźniego*; *Młody starszego ma szanować, starszy mło-дего zaś miłować*.

Вторая группа – «Старость – глупость». Данная группа объеди-няет пословицы, в которых понятие старость оценивается негативно и отождествляется с глупостью. При этом данная группа пословиц, на первый взгляд, противоречит первой группе «старость – ум, опыт-

ность». Приведем примеры пословиц, входящих в данную группу: *Старые дураки глупее молодых; Под старость человек либо умней, либо глупей бывает; Стар стал – умом кончал; Молодой стареет – умнеет, старый стареет – глупеет (дуреет); Шестьдесят лет прошел, а ум назад пошел; Век дожил, а ума не нажил; Борода уму не замена; Борода с воз, а ума с накопильник нету. *Starość w progi, rozum w nogi; na starego przyjdzie głupota; Głupiejemy często, gdy siwiejemy; starzy ludzie błądzą; starzy mieli rozum; Stary, a głupi; Głupi, choć stary; Siwy, a głupi; Czym starszy, tym głupszy; Stary jak świat, a głupi jak sadło; Stary jak świat, a głupi jak cielak; Stary jak wół, a głupi jak ciele; Stary, a nic nie rośnie (tzn. nie nabiera z latami doświadczenia, rozumu); Stary jak świat, a głupi jak cap; Stary a mały jedną drogą chodzą (tzn. starzy dziecinnieją).**

Третья группа – «Молодость – глупость, неопытность». Эта группа неразрывно связана с первой. В то время как старость ассоциируется в народном сознании с умом и опыtnостью, молодость отождествляется с глупостью и отсутствием жизненного опыта. *У молодого ум не окреп; Молод князь – молода и дума; Молодо – зелено, погулять велено; Молоденький умок, что весенний ледок; Молодой ум, что молодая брага (бродит).* Вышеупомянутый образ наблюдается также в польских пословицах: *Młodość – bujność, a bujność to durność. Jako świat światem, błądzą młodzi; Każdy młody głupi; Młodemu nie przystoi wiele mówić; Młody ćwiczenia i nauki potrzebuje; Młodzieź zamiast cnotami zajmuje się figlami.*

Традиционно в устном народном творчестве указанием на молодость, незрелость служит зеленый цвет, например: *Молодо – зелено, старо – да сбойливо; Молод – просмеется, зелен – дойдет; Молоденек – зелененок. Просмеешься – в пастухи наймешься, а протрубишься – и дров нарубишься; Молодо – зелено, погулять велено.*

В особую группу, на наш взгляд, следует выделить пословицы, снимающие оппозицию *старость – молодость* и отождествляющие оба данных периода человеческой жизни с глупостью («Старость и молодость – глупость»). Пословицы этого типа появляются только в словаре Даля. Приведем примеры подобных пословиц: *Человек два раза глуп живет: стар да мал; Стар да мал – дважды глуп; Старый, что малый, а малый, что глупый; Молодость не без глупости, старость не без дурасти.*

В особую группу нами были выделены пословицы, в которых старость отождествляется с разного рода несчастьями: бессилием, болезнями, нищетой («Старость – немощь, болезни, нищета»). При

этом зачастую пословицы содержат такие слова, как *гнилой, гниль, неволя, не радость, убожество, слабость, немощь*. Проиллюстрируем данную группу примерами: *Молодо – зелено, старо да гнило; Старый муж, что гнилая колода, лежит; От старости зелье – могила; При старости две радости: и с горбом и с бельмом (или: гроб и кля); Сдружилась старость с убожеством, да и сама не рада; Стар да нищ – гниль да свищ; Не в охоту с икотой; Смолоду охотою, а под старость перхотою; Хоть кривое, да молодое; а старое – и прямое, да гнилое; Недаром старцы уроды; Придет старость – придет и слабость; Старики хилеют – молодые пореют; Старость с добром не приходит; На старого и немощи валяются; Он уже мышей не ловит (т.е. одряхлел).*

Встречается отрицание таких понятий, как радость, счастье, веселье, воля: *Старость – увечье, старость – неволя; Старость не радость, горб не корысть; Под старость все неволя; Старость придет – веселье на ум не пойдет; Старость не радость, а пришибить некому; Седина напала – счастье пропало; Старость не радость; Старость не радость, не красные дни*. При этом интересно отметить, что немощь может быть названа не прямо, а иносказательно – упоминанием печи, подушек и других предметов, способствующих физическому покою, например: *Петухи на насест садятся, а старые люди на печь валяются; И по летам, и по годам – одно место: печь; Молод с игрушками, стар – с подушками; Молод бывал – на крыльях летал; стар стал – на печи сижу; Старый хочет спать, а молодой – играть*. Не только в русских но также и в польских пословицах выделяется картина старости как немощи, болезни: *Co starego, to już nieładnego; Starość je gorszo niż zły kust (tzn. starość jest gorsza od złego pożywienia, głodu); Na starego łajna łąą; Najtrudniej być starym; Starego nie trzeba pytać: jako się masz? ale: co cię boli?; Nie pytaj starego: jeśliś zdrowy? Ale: jeszcze to żyjesz?; Staremu trzecia noga z lasu służy; Próżne zachody leczyć stare lata, choćby doktorów miał z całego świata; Staremu wszędzie zimno*.

Неотъемлемой частью старости является в польских пословицах частый плач, скупость, старые люди сравниваются с детьми: *U starego jak u dziecka placz w pogotowiu; Starego laska (podpora) – zęby; Dla staruszki dobry piec i garnuszek; Starym najlepsza wygoda w domu; Staremu dobrze czynić – daremna utrata (tzn. nigdy mu się nie dogodzi); Stary jak grzech śmiertelny; Stary jak grzyb; Stary jak świat; Stary jak kruk; Stary nie stoi o modę, ale o wygodę; Stary rzadko co nie zrzędzi; Po czym poznać starego? Po gderaniu jego; Stary skąpy; Stary pamiętliwy; Starzy ludzie dwa*

razy dziećmi; Starzy ludzie a małe dziećka to je jedno; Wiek stary ma swe przywary.

Пессимистическое отношение к старости, к сожалению, как видно из пословичного материала, доминирует в народных пословицах.

Отдельную группу составляют пословицы, в которых старость отождествляется со скорой смертью («Старость – смерть»). Приведем примеры русских пословиц: *Молодые по выбору мрут, старые погловно*; *Крючковатому носу недолго жить*, и польских: *Starość w grób zamyka*; *Ciągnie starego ziemia ku sobie*; *Idź stary na mary, już ci czas*; *Śmierć zgrzybiałego starca jeno trochę muśnie w zadek, prędko jako mucha uśnie*; *Młody może umrzeć, a stary musi*.

Интересную, на наш взгляд, группу представляют пословицы, выступающие только в словаре Даля, отражающие ассоциацию «старость – соблазн». Например: *Года (старость) от соблазна не замулье*. При этом синонимом соблазна, как правило, выступает черт, бес как представитель «нечистой силы», греха. Приведем примеры: *Седина в бороду (в голову), а бес в ребро*; *Старого черта да подпер бес*; *На седину бес падох*. Указание на соблазн может быть выражено и образно, иносказательно: *Стар кот, а масло любит*.

Самую большую группу пословиц, встречаемых в словаре Ю. Кжижановского, составляют пословицы, построенные на основе оппозиции старость – молодость. *Starość nie radość, a młodość bujność*; *Młodość płochość, starość nie radość*; *Jak starzy śpiewają, tak młodzi skaczą (tańczą)*; *Jak gadali starzy, tak i młodzież gwarzy*; *Jak się stary ustroi, za młodego ostoi*; *Jak się stara wystroi, to i za młodą stoi*; *Kto chce być długo starym, niech nie będzie długo młodym*; *Dwie rzeczy nie do rzeczy: młodego o radę pytać, a starego o krótką odpowiedź*; *Lepiej starego dźwigać, niż młodego ścigać*. *Lepiej za starego cesarza niż za młodego pisarza*; *Lepiej ze starym nościć, jak młodego prosić*; *Lepszy (milszy) młodego uśmiech niż starego całus*. *Młodego rada a starego wojna – śmiechowisko*; *Nie będzie starym, kto nie znał pieluchy*; *Stare pomiatają, gdy młodzi nastają*; *Staremu raczej wierzcie niż młodemu*; *Staremu folguj, młodym haruj*; *Staremu różaniec, młodemu dziewczyna* itp.;

В отдельную группу можем отнести пословицы, построенные на основе: *Что в молодости, то и в старости*. В большинстве этих пословиц мы наблюдаем навыки, передаваемые с молодости на старость или эти привычки, которых если не хватало в молодости, тогда не будут появляться в старости. *Co za młodu zaniedbasz, to ci się na starość nie wróci*; *Coś siał w młodości, to będziesz zbierał w starości*; *Czego się człowiek za młodu nauczy, to na starość znajdzie*; *Czego się młody nie uczy,*

tego stary nie umie; Czego z młodu nawykniesz, na starość tego nie unikniesz; Czegoś z młodu nie upiekł, nie będziesz jadł starym; Czegoś z młodu nie zgromadził, tego na starość nie najdziesz; Grzechy młodości karze Bóg w starości; Jaki kto z młodu, taki na starość; Każdy na starość żałuje, że się z młodu nie uczył; Kto nie pracuje za młodu, ten na starość dozna głodu; Kto był za młodu skory do roboty, temu nie znane na starość kłopoty; Kto się za młodu nie uczy, temu bieda na starość dokuczy; Musi za młodu pracować, kto na starość chce próżnować.

«Старость не радость» – это интересная, но немногочисленная группа пословиц, появляющихся в *Nowej księdze przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich* Юлиана Кжижановского: *Starość nie radość; Siódmy krzyżyk nie radość; Starość nie radość, śmierć nie wesele. ..., śmierć nie pociecha; Kto nie chce być starym, niech się powiesi; Ze starym wielka męka, jak nie pierdzi, to stęka. Staremu jak dziecięciu często jeść trzeba.*

Специфическими поговорками являются пословицы, в которых сталкиваемся с любовными играми, с чувственностью: *Choć staruszek, ale zuszek, rad zagłąda pod fartuszek; Czasem stary, a jak zuch, obstoi za młodych dwóch; Stary do ożenku, to jak wiecheć do szlacheckiego trzewika; Gdyby starsi nie igrali, skądże by się młodzi brali?; Lepiej być kochaną przez starego, niż zwodzoną przez młodego; Daremne zachody staremu do młodej.*

Только в некоторых польских пословицах встречается положительное отношение к молодости: *Każdy w młodości skłonny do miłości; Młodość jest rzeźbiarką, co wykuwa żywot cały; Młodość ma swoje prawa; Młodość przestroinnie patrzy.*

Анализ семантики и словесного наполнения русских и польских пословиц показал, что как в русской народной культуре, так и в польской старость отождествляется с такими понятиями, как *опытность, ум, уважение, почет; глупость; болезнь, немощь; смерть*. При этом *опытность, ум* и *глупость* не противоречат друг другу, так как *глупость* в данном случае означает не *слабый, неокрепший ум*, не *отсутствие опытности*, а *старческое выживание из ума, изживание ума*.

Молодость отождествляется с такими понятиями, как *глупость, неопытность; лучшее время жизни*.

Одним из немногочисленных различий между польскими и русскими пословицами является отсутствие в словаре Ю. Кжижановского пословиц, в которых старость понимается как соблазн, и отсутствие в словаре В. И. Даля пословиц, в которых молодость определяется при помощи зеленого цвета.

Оказывается, что, несмотря на сходства в категоризации понятия возраста славянскими народами, можно найти в них также мелкие различия, свидетельствующие о разной точке зрения при характеристике явлений, связанных с категорией возраст.

S U M M A R Y

The main focus of this article is Languages Picture Category Age In the Russian and Polish languages. Moreover, it attempts to show that the semantic category of 'age' in Russian sayings and proverbs is primarily expressed by the 'old – young' opposition. The semantic analysis allows us to distinguish several thematic groups in which the concepts of the old age and youth are perceived in different ways. The old age – mind, experience; the old age – stupidity; youth – stupidity, lack of experience; the old age and youth – stupidity; the old age – weakness, illnesses, poverty, the old age – death, the old age – respect, the old age – temptation. There is a comparison between Dal and Krzyżanowski, the results show many similarities in some areas and confirm few differences as well.